Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (25), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83+83.3(2=411.2)+86.2
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-198-221
https://elibrary.ru/XUPUYQ

© 2024. Ольга Седельникова
Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия
© 2024. Екатерина Головачева
Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия
© 2024. Оксана Олейник
Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

«Рассказы из русской истории» А.Н. Майкова: от идеи к реализации

© 2024. Olga V. Sedelnikova
National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia
© 2024. Ekaterina A. Golovacheva
National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia
© 2024. Oksana P. Olejnik
National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

Apollon Maykov’s *Tales from Russian History*: from Idea to Implementation

Информация об авторе: Ольга Викторовна Седельникова, доктор филологических наук, профессор Отделения русского языка Школы общественных наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, пр. Ленина, д. 30, 634050 г. Томск, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-3727-7954
E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru
Екатерина Александровна Головачева, кандидат филологических наук, начальник Отдела развития онлайн-образования Управления сопровождения обучения и развития карьеры, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, пр. Ленина, д. 30, 634050 г. Томск, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-2744-8767

E-mail: eagolovacheva@tpu.ru

Оксана Петровна Олейник, аспирант Отделения русского языка Школы общественных наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, пр. Ленина, д. 30, 634050 г. Томск, Россия.

E-mail: oksana408@yandex.ru

Благодарности: Исследование выполнено в Томском политехническом университете за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект РНФ № 23-28-01497, https://rscf.ru/project/23-28-01497/).

Аннотация: Статья посвящена реконструкции истории становления и развития идеи незавершенного прозаического цикла А.Н. Майкова «Рассказы из русской истории». Важнейшим источником информации о данном сегменте творческой биографии поэта является его переписка с Ф.М. Достоевским, содержание которой раскрывает предпосылки зарождения идеи цикла и этапы ее оформления. Обсуждению общей идеи цикла и его отдельных сюжетов посвящено одно из самых выразительных писем романиста к другу, содержащее концептуальное для понимания его эстетики размышление о поэме «как самородном драгоценном камне, алмазе, в душе поэта» и выделяющее самые значительные, в понимании писателя, события истории России. Выразительно описанные Достоевским в упомянутом источнике сюжеты отдельных рассказов породили предположение о том, что писатель выступил автором концепции цикла и вдохновил Майкова на его создание. Однако анализ переписки Майкова и Достоевского 1867–1869 годов позволяет собрать и последовательно выстроить факты, отражающие процесс постепенного вызревания и оформления замысла, и сделать вывод о том, что идея сложилась в творческом сознании поэта в процессе углубленного изучения русской истории, вызванного работой над переводом «Слова о полку Игореве». Достоевский принял некоторое участие в становлении ключевых особенностей содержания и принципов художественного воплощения рассказов, но не столь прямо, как идейный вдохновитель, а опосредованно, как друг, собеседник и единомышленник, с которым Майков привык в частых встречах делиться подробностями собственных творческих поисков и мыслями, касающимися злободневных проблем русской общественной жизни тех лет, среди которых вопрос самобытности русской истории и отношений России и Европы был одним из важнейших.

Ключевые слова: А.Н. Майков, «Рассказы из русской истории», Ф.М. Достоевский, эпистолярное наследие, движение авторского замысла.

Для цитирования: *Седельникова О.В., Головачева Е.А., Олейник О.П.* «Рассказы из русской истории» А.Н. Майкова: от идеи к реализации // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 198–221. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-198-221

Information about the author: Olga V. Sedelnikova, DSc in Philology, Professor, Department of Russian Language of the School of Basic Engineering Training, National Research Tomsk Polytechnic University, Lenin Avenue 30, 34050 Tomsk, Russia.

https://orcid.org/0000-0003-3727-7954

E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

Ekaterina A. Golovacheva, PhD in Philology, Head of Online Education Development Department, National Research Tomsk Polytechnic University, Lenin Avenue 30, 34050 Tomsk, Russia.
https://orcid.org/0000-0002-2744-8767
E-mail: eagolovacheva@tpu.ru
Oksana P. Olejnik, Postgraduate Student, Department of Russian Language, National Research Tomsk Polytechnic University, Lenin Avenue 30, 34050 Tomsk, Russia.
E-mail: oksana408@yandex.ru
Acknowledgments: The study was carried out at National Research Tomsk Polytechnic University with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) (RSF project No. 23-28-01497, https://rscf.ru/project/23-28-01497/)
Abstract: The article analyses the formation and development of the idea of the unfinished prose cycle *Tales from Russian History* by Apollon Maykov. The most important source of information about this part of the poet's creative biography is considered his correspondence with Fyodor Dostoevsky, where the prerequisites for the origin of the cycle idea and the stages of its formation are revealed. One of the most expressive novelist's letters to his friend is devoted to the discussion of the general idea of the cycle and its plots. It contains a conceptual reflection on the poem "as a precious stone, a diamond, in the poet's soul" and highlights the most significant events in Russian history, according to the writer's understanding. The plots of individual stories expressively described there by Dostoevsky originated the assumption that the writer was the author of the cycle concept and inspired Maykov to create it. However, a chronological analysis of the correspondence between Maykov and Dostoevsky in 1867–1869 allows us to gather and sequentially arrange facts reflecting the process of gradual development and final formation of the idea in the poet's creative consciousness. It leads to the conclusion that the idea was formed in Maykov's creative consciousness during an in-depth study of Russian history, prompted by his work on the translation of *The Tale of Igor's Campaign*. Dostoevsky took some part in shaping the key features of the content and the principles of the artistic form of the tales. He was not directly involved as the ideological inspirer. He participated as a friend, an interlocutor, and like-minded person, with whom Maykov shared the details of his own creative search and thoughts on pressing issues of Russian social life at that time, among which questions about the originality and identity of Russian history, and the relations between Russia and Europe were some of the most important.
Keywords: Apollon Maykov, *Tales from Russian History*, Fyodor Dostoevsky, epistolary heritage, the development of the author's intention.
For citation: Sedelnikova, O.V., Golovacheva, E.A., Olejnik, O.P. "Apollon Maykov's *Tales from Russian History*: from Idea to Implementation." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (25), 2024, pp. 198–221. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-198-221

...в этом ряде былин, ... воспроизвести, с любовью и с нашею мыслию, с самого начала, с русским взглядом — всю русскую историю, отмечая в ней те точки и пункты, в которых она, временами и местами, бы сосредоточивалась и выражалась вся, вдруг, во всем своем целом.

Ф.М. Достоевский

[*Достоевский, 1972–1990, т. 29$_1$, с. 39*].

Прозаический цикл «Рассказы из русской истории» (1869) занимает значительное место в творческом развитии А.Н. Майкова. Он стал результатом многолетних раздумий поэта о своеобразии истории родной страны и ее особом положении среди государств Европы. Несмотря на это, цикл остается практически не введенным в научный оборот, неизвестным как широкому кругу читателей, так и специалистам по истории русской литературы середины XIX века. Задачей настоящей статьи станет реконструкция фактов, отражающих процесс формирования идеи цикла исторических рассказов: общей концепции, проработки художественных принципов изображения, содержания отдельных рассказов и формы их воплощения. Данный материал до сих пор не становился предметом изучения, хотя движение этой идеи последовательно представлено в переписке поэта с Ф.М. Достоевским 1867–1869 годов, когда романист находился в вынужденном путешествии по Европе, а Майков, по сложившейся между друзьями привычке, делился в письмах всем, что составляло содержание их повседневного общения: подробностями собственных творческих поисков, мыслями по поводу фактов текущей действительности, пониманием злободневных проблем русской общественной жизни тех лет и размышлениями об их причинах и способах их преодоления[1]. Основным материалом исследования является опубликованная ранее переписка Майкова с Достоевским[2]: сообщаемые в ней детали движения творческой мысли поэта данного периода выстроены в хронологической по-

[1] О характере и содержании общения Майкова и Достоевского см.: [Гачева, 2004, с. 569–637], [Ашимбаева, 2005, с. 91–93, 98 и др.], [Седельникова, 2006].

[2] В процессе исследования привлекались все публикации писем А.Н. Майкова, как печатные [Майков, 1924], [Майков, 1984], [Майков, 2005], так и электронные [Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского и его корреспондентов].

следовательности и дополнены в процессе изучения фактами из других печатных и архивных источников.

Интерес к истории был важнейшим вектором творческого развития А.Н. Майкова [Ляпина, 1986], [Прокофьева, 2005, с. 153–160][3]. Как отмечал поэт в автобиографии, значительную веху в процессе его становления в доуниверситетский период составило увлеченное изучение трудов представителей школы новой французской историографии[4]. Он серьезно интересовался также русской и славянской историей: диссертация, написанная им в университете, была основана на изучении впервые вводимых в научный оборот важных источников славянского права[5]. В дневнике поэта 1842–1843 годов, характеризующем этап его творческого становления, обращение к переосмыслению исторических событий, связанных с осматриваемыми памятниками архитектуры Парижа и Рима, определяет содержание записей и направление творческих поисков их автора. Об этом красноречиво свидетельствуют как привлекающие внимание Майкова факты, так и характер их художественного переосмысления в таких важнейших в контексте дневникового целого записях, как заметка о Сен-Дени [Майков, 2013, с. 23–26], описание Колизея [Майков, 2013, с. 74–76], переводы фрагментов «Аналлов» Тацита [Майков, 2013, с. 85–87, 101–105, 107–115] или фрагмента из драмы Никколини «Антонио Фоскарини» [Майков, 2013, с. 123–129]. В последующие годы события русской и европейской истории и культуры составляли содержание и задавали направление эстетических экспериментов в важнейших произведениях Майкова, которые определили его место в истории русской литературы («Савонаролла», «Клермонтский собор», «Странник», «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне», перевод «Слова о полку Игореве», «Два мира» и др.).

Среди указанных произведений названный цикл рассказов о русской истории является одним из белых пятен в наследии поэта, хотя его этапный характер и особое значение подчеркнуты уже в столь важном сегменте эпистолярия Майкова, как пере-

---

3 О раннем интересе Майкова к русской истории см.: письмо А.Н. Майкова к П.А. Висковатову [Бельчиков, 1971, с. 267]. На утверждение пристального внимания юного Майкова к русской истории оказывали влияния занятия В.А. Солоницина, руководившего домашним образованием Ап. и Вал. Майковых [Седельникова, 2006, с. 77–78].

4 Майков А.Н. Письма А.В. Гербелю 1863–1873 гг. // РНБ. Ф. № 179. № 68. Л. 5 об.

5 РНБ. Ф. № 179. № 68. Л. 6-6 об.

писка с Ф.М. Достоевским. Лишившись личного общения после вынужденного отъезда Достоевского за границу весной 1867 года, в каждом письме друг другу они настойчиво сетуют на отсутствие возможности обсуждения в беседе с глазу на глаз важнейших вопросов общественной жизни и творческих планов. Уже в первых письмах Майкова к Достоевскому 1867 года эта тема обозначается очень отчетливо: «Трудно мне писать Вам, потому что привык ежедневно видеться и осмысливать в беседе каждое явление дня, мира внутреннего и внешнего» [Майков, 1867а]. «Очень бы желал побежать побеседовать с вами — да вы далеко! И пойти не к кому. Иногда, видите, не то чтоб сказать хотелось что-нибудь особенное, а так как будто музыки послушать, — послушать строю душевного сочувственного человека. Послушаешь и оживишься и ободришься» [Майков, 2005, с. 106]. Эта потребность не затихает со временем, но как будто нарастает к концу пребывания Достоевского за границей.

Достоевский же с воодушевлением встречает все произведения Майкова, посвященные событиям русской истории, давая высокую оценку и поэме «Странник» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 170–171], и «Стрелецкому сказанию о царевне Софье Алексеевне» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 259]. Переписка с Достоевским становится важнейшим источником информации о творческих планах поэта этой поры. Она представляет и основные сведения об истории создания цикла исторических рассказов.

Обращение к новой идее, не совсем типичной, на первый взгляд, в наследии Майкова, имеет ряд предпосылок. Очевидно, что формирование замысла связано с увлеченной работой поэта над переводом «Слова о полку Игореве», которая проходила в 1866–1869 годы [Ямпольский, 1976, с. 334–335]. Так, 3 ноября 1867 года поэт сообщал Достоевскому важные детали реализации этого проекта: «Я все перечитываю бездну книг для Сл<ова> о Полку Игореве, пишу введение к нему, хочется чтоб было хорошо, т. е. несрамно со стороны научной. Кому читал — нравится: сочинил биографию певца — вот как! По одним источникам — по живости непосредственного впечатления и рассмотрению его современников, к какому поколению он принадлежал? Согласитесь, что это по крайней мере ново. Вообще мне хочется, чтоб это был мой маленький monumentum, приложения на “алтарь отечества”. Потому и не тороплюсь печатать и, не отходя от стола работаю» [Майков, 1867б].

Достоевский ждал публикацию перевода. В письме от 18 февраля 1868 года он спрашивал: «Но что-же, что же наконец “Слово о Полку Игореве” — вы не пишете где оно будет? Вероятно, в “Русском Вестнике”. В таком случае я прочту его! Можете представить, с каким нетерпением жду. Кроме чтения, о котором Вы упоминали — не читали-ли Вы где его в Публике?» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 259].

Предпосылки для обдумывания Майковым идеи цикла связаны с осмыслением проблемы отношений между Россией и Европой, которая составляет одну из важнейших содержательных линий в переписке поэта с Достоевским. Так, 7 марта 1868 года Майков писал другу: «Господи! Когда-то у нас напишется и введется учебник истории, где бы средняя история так была изложена: распространение христианства. Образование новых государств. Центр всей истории — церковь. Засимъ *Фотий* и разделъ Европы на восточную и западную. Борьба их. Азия с Татарами и Турками помогает Западу. Коварное поведение Запада: помогу, лишь покорись нам. Слабость и падение востока. Возрождение его с громов полтавских: общеславянское значение Петра и рост России. Колебание весов: мы теперь в периоде самой роковой схватки. Вот программа моя в нескольких чертах — поймите и дополните» [Майков, 1868]. Содержание фрагмента письма свидетельствует о том, что предпосылки формирования идеи цикла рассказов Майкова о русской истории связаны с осмыслением особенностей мировоззрения большинства образованных представителей русского общества, тяготеющих к западничеству и не понимающих специфики национальной истории и истории отношений России и Европы, основанных на непримиримом противостоянии православия и католицизма. В данном отрывке особенно важно высказанное поэтом понимание острой потребности в написании учебника истории без изложения собственных творческих планов по решению поставленной проблемы. В нем уже со всей ясностью обозначены просветительское начало и основная идея будущего цикла, состоящая в изображении того, как Россия обрела и реализовала собственный духовно-исторический путь в постоянном противоборстве с папской Европой и языческой Азией. Важнейшим становится здесь указание на политические основы этого противостояния и откровенную сделку Запада с иноверцами ради достижения собственных целей.

В письмах Достоевскому получают проработку и важнейшие художественные принципы изображения исторических событий

в будущем цикле, замысел которого постепенно прорабатывается в важнейших деталях в процессе увлеченного изучения различных исторических источников. В начале апреля 1868 года поэт сообщает другу новые подробности: «Я все еще сижу за разысканиями к моей истории русской древней поэзии, которая вышла из предисловия к Слову о П<олку> Игор<еве> Тут есть все, даже Варяги. Смелых до дерзости идей много. Все смело и ново, но и ученых людей, которые поживее (я, впрочем, таким только и давал читать) очень занимает и даже пленяет. — **Главное, кажется тем, что у меня нет ни исследований, ни доказательств, а все картины, жизнь, из которых ученое положение выходит само собой**. Теперь же сижу на Варягах: Новгород — это часть славянских государств балтийских, торговавших в VI и VII веке уже, по нашим рекам, до Волги с Азией и по Днепру с Грецией. У них были флоты торговые; море кишело разбойниками славянскими и скандинавскими и датскими. В Норманах — столько же славян как и прочих. Это вся балтийская удаль. Эти торговцы у нас назывались варягами, как и теперь. Быт, устройство, расселяемость этих славян, которым другого выхода избытку народонаселения не было, как на север, все сходно с Новгородским; по падении их Новгород устоял; вот откуда деятельное, промышленное великорусское племя, противуположное сонным хохлам южной Руси. Южно-русское население, хотя и не хохлы, но в том же роде: все делают князья и дружина, народа не видать. Даже не колонизует. Как вам нравится эта идея? Призвание князей — вероятно, обыкновенный эпизод, повторялось, вероятно, и прежде, и князья какие бы ни были родом, только непременно были со славянской дружиной; впрочем, сбродной. Это отголосок каких-нибудь событий в метрополии, т. е. у балтийских Славян. Много, много идей изложилось тут — как жалею, что без вас это пишется; а работается всласть» [Майков, 2005, с. 117].

Основой для описанных изысканий послужило знакомство с многочисленными исследованиями, касающимися вопроса о происхождении восточных славян, от А.Л. Шлёцера до А.Ф. Гильфердинга, включая такие специальные сочинения, как книга П.С. Савельева «Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории» [Савельев, 1846][6]. Майков не просто последовательно излагает

[6] Круг чтения Майкова по указанному вопросу раскрывается в ряде рукописей, посвященных генезису русского народа под общим названием «О балтийских славянах»

факты, заимствованные из прочитанных сочинений современных историков, но сопоставляет их и интерпретирует, выдвигая на основании этого собственные гипотезы и реконструируя события, связанные с тем, что особенно интересовало и специалистов (например, призвание князей и интерпретация факта варяжского влияния). Так, по мысли Майкова, варяги принадлежат не германским или скандинавским племенам, но северным балтийским славянам, с которыми поэт обнаруживает много общего у жителей Великого Новгорода. Привлекает внимание и обращение к вопросу о принципах изображения исторического материала через картину и образ, который без дидактики приобретет ощутимый воспитательный потенциал. Этот аспект станет определяющим для эстетики нового замысла и будет развит в следующих письмах.

Первое прямое упоминание об идее создания цикла рассказов, включающее развернутое авторское свидетельство о деталях замысла, появляется в письме Майкова к Достоевскому от 12 апреля 1869 года, написанном после возвращения с похорон Н.Ф. Щербины[7]: «Главное, голубчик вы мой, почему я вас вспоминаю часто, это вот что. Это труд, который меня увлек до того, что только его сплю и вижу. Затеял я написать русскую историю в 10 или 12 рассказах для сельских и других первоначальных школ. Впрочем, они полезны будут и чиновникам, и светским дамам. Все у нас русские истории для этой цели — или сухи, или тенденциозны, или наконец рассчитаны, чтоб действовать на рассудочность, и разумеется не достигают цели. Я беру только капитальные эпохи, приурочивая их к известным для всех именам, и *пишу живую историю, пишу чувством и воображением, чтобы заставить почувствовать и вообразить.* Тогда только это семя прочно засевшее» [Майков, 1869a]. Характеризуя увлекший его новый замысел, поэт еще более отчетливо, нежели ранее, подчеркивает отсутствие в современных изданиях такого изложения событий русской истории, которое можно было бы использовать для народного образования[8]. В связи с новым

(Майков А.Н. О балтийских славянах // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16552. Л, 1, 2 об., 3 об., 4 об. и др.).

[7] Данный факт становится основанием для датировки этого не датированного автором письма.

[8] Контекстуально важной характеристикой принципов изображения исторических фактов становится высказанное в письме Достоевскому от 22 ноября 1868 года замечание Майкова о романе А.Ф. Писемского «Люди 40-х годов», где, описывая общее впечатление от произведения, поэт указывает: «Эта половина хорошо написана, есть лица прекрасные,

замыслом Майков опять вспоминает о Достоевском и потребности бесед с ним, что указывает на то, что данная проблема ими уже обсуждалась ранее и грани ее обоим участникам диалога достаточно ясны. Здесь важно упомянуть, что к теме народного образования Достоевский неоднократно обращался в творчестве и публицистике 1860-х годов. Эта проблема поставлена и осмыслена в выразительных художественных образах уже в «Записках из мертвого дома». В широком смысле проблема народного просвещения и его острой актуальности для представителей современной литературы становится одной из основных в важнейшем труде Достоевского-публициста начала 1860-х годов «Ряд статей о русской литературе». Об особой принципиальности и злободневности для писателя данного вопроса свидетельствует включение в него двух статей «Книжность и грамотность», опубликованных в 7–8 номерах журнала «Время» за 1861 год. Говоря о последних, при значимости общей постановки вопроса, деталях полемики о народности Пушкина, исчерпанности петровских реформ и т. п., важно упомянуть о том, что вторая статья непосредственно касается вопроса изданий для народного просвещения, где авторская мысль движется вокруг проекта Н.Ф. Щербины «Читальник» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 21–57], о котором Достоевский высказывает ряд существенных замечаний, выделяя его однако на общем фоне изданий для народа: «<…> умнее его проекта ничего еще у нас в этом роде и не было, сколько нам помнится» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 21]. Очевидно, что при создании этих статей Достоевский неоднократно обсуждал поднимаемые вопросы в редакционном кружке «Времени» и с близкими друзьями. И здесь важнейшим участником дискуссии становился Майков, для которого проблемы народного просвещения были актуальны с начала его творческой деятельности, поскольку один из ярких представителей старшего поколения кружка Майковых А.П. Заблоцкий-Десятовский еще в начале 1840-х годов широко интересовался вопросами народного просвещения. Он был с 1832 года редактором «Журнала министерства внутренних дел», а с 1840 года — «Журнала министерства государственных имуществ» [Большая энциклопедия, 1902, с. 441], в том числе заказывал статьи для

выработано, даже все чисто и опрятно, без цинизма. Но все это ужасно холодно-умно; это превосходно составленная докладная записка о делах такого-то с указанием причин, влиявших на развитие в герое таких-то и таких-то свойств. Вообще при отсутствии *милого*, неожиданного, вдохновенного» [Майков, 2005, с. 133].

последнего Аполлону и Валериану Майковым, а также совместно с В.Ф. Одоевским являлся автором одного из первых успешных проектов изданий книг для народа «Сельские чтения», выходивших в 1840-е годы и привлекавших внимание редакции «Современника». О том, что Аполлона Майкова еще тогда заинтересовала эта проблема, свидетельствует упоминание об издании А.П. Заблоцкого в переписке периода поездки молодого поэта в Европу — так, М.П. Заблоцкий прилагает к письму другу недавно вышедшую книжку издания [Седельникова, 2006, с. 35–37].

Другого аспекта, принципиально важного для Достоевского в контексте программных статей «Времени», Майков также касается в письме бегло: «<...> *пишу живую историю, пишу чувством и воображением, чтобы заставить почувствовать и вообразить».* Вопрос о способах художественного изображения был весьма важным для Достоевского и Майкова в связи с острой дискуссией между редакцией «Времени» и утилитаристами. И в этом плане, очевидно, Майков опять выступал ближайшим единомышленником и соратником, и к его взглядам на изображение народа и истории Достоевский относился с безусловным вниманием [Седельникова, 2012].

Далее поэт описывает другу план цикла и содержание отдельных рассказов: «Из краткого перечня некоторых рассказов вы поймете какое, в целом, громадное здание должно соорудиться в душе читателя, при представлении о России. Первый рассказ: Владимир и принятие христианства. 2) Александр Невский: нашествие татар, его страдальчество за русскую землю, или заповеданное терпение русскому народу. 3, Москва: маленький князь Ив<ан> Данилыч и беседы его с митрополитом Петром, собирание земли, Донской. 4. Взятие Царьграда Турецким султаном Магометом II, возникновение Третьего Рима (Москва), брак с Софьей, герб, упование востока, новая роль московских царей, т. е. Иван III, Василий, Иван IV — покорение магометанских царств, и требования отчины Киева и русских земель от Литвы. Во всей истории проходят два врага России: Азия и Европа, тогда олицетворяемая Папой. **Это все уже написано**. 5[е] будет: Троицкая Лавра, т. е. 1612 год, 6[й] Киев — судьбы Западной России, Богдан Хмельницкий. 7[й] Петр: о Петре мысль такая: апогея Москвы — Иван IV. Потом потрясение иезуитами и Польшей, Романовы — реставрация. К Петру уже возвращается Россия на ту точку, как была за несколько лет до смерти

Грозного, (т. е. до Батория) и Петр продолжает Ивана IV, который продолжает Ивана III. Завоевание Балтийского моря, и в Турецких войнах его — пробуждение православия на Балканах, где его царствование есть эра. Вот пока бы эти еще три рассказа написать и издам. 8й об Екатерине — не сформировался в идее, но думаю, что это продолжение Петра. 9. Европа проговорилась: нашествие двудесяти языков. 10, сбросила маску: крымская война. 11. Освобождение крестьян, т. е. история сословий и освоб<ождения> крестьян, характер его в восточной России и в западной — там доверие сословию, здесь вражда и следствие того польский бунт. — Трудно уместить на одной страничке всю идею. **Но из намеков вы поймете**. Одно могу сказать — четыре рассказа, особенно 2й, 3й, и 4й написаны поэтически, и без вранья. Я уверен, что вам бы понравились. Писать ничего не могу не вообразив, оттого чтения ужас как много, пока у самого не будет ясно в голове. Вот, будь вы здесь, в этом деле вы бы мне капитальную помощь оказали, да пожалуй и сами бы написали. Что дальше то труднее, потому что до сих пор занимался я больше древней историей, т. е. русской-то. Недостаточно знаю Екатерину» [Майков, 2005, с. 142–144].

Детали этого проекта были понятны Достоевскому с первого взгляда: интересуясь произведениями Майкова, писатель вряд ли не касался вопроса о ключевых фактах русской истории в разговорах с другом. На справедливость такого заключения указывает ряд деталей знаменитого письма из Флоренции от 15 / 27 мая 1869 года. В нем, воодушевившись присланным Майковым подробным описанием нового замысла, романист изложил другу свою идею, которая «родилась-то <...> нераздельно с образом Вашим *как поэта*» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с 38], т. е., опираясь на былое общение и отталкиваясь от его содержания. Замысел Достоевского обнаруживает ряд прямых перекличек с концепцией, изложенной Майковым. Это дало основания для предположения о том, что сама идея создания цикла произведений о ключевых событиях русской истории принадлежала Достоевскому, который побудил друга заняться ее осуществлением [Ашимбаева, 2005, с. 142–143], [Захарова, 2015]. Однако, как показывает хронология упоминаний Майкова обо всем, что связано с темой русской истории и постепенным вызреванием замысла в процессе работы над переводом «Слова о полку Игореве» в его письмах, последовательность здесь обратная. Получив в апреле 1869 года письмо Майкова с описанием концеп-

ции рассказов из русской истории, работа над которыми поглотила поэта целиком, Достоевский искренне удивился и обрадовался тому, что его корреспондент уже начал эту работу и так зажегся ей в то время, как он сам столько думал об этом («я их в уме тогда сочинил и долго потом сочинял»): «Видите-ли: прочтя в Вашем письме о том, что Вы пишете эти баллады, я страшно удивился тому: как это нам, так долго разлученным, пришла одна и та же мысль, одной и той-же поэмы?» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 39, 41].

Единственное принципиальное различие между сходными идеями друзей проявилось в том, что Майков писал рассказы прозой, стилизуя сказовую форму. Достоевский же уже в начале письма из Флоренции предлагал создать «ряд былин» «в увлекательных, обаятельных стихах, — в таких стихах, которые сами по себе, безо всякого усилия, наизусть заучиваются — что всегда бывает с глубокими и прелестными стихами», и настойчиво вернулся к этой мыли после описания сюжетов, особенно подчеркивая, что писать «рифмой, а не старым русским размером» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 39, 42]. Писатель обосновал свое понимание необходимости такой формы следующим образом: «Это важно: *теперь рифма — народна, а старый русский размер — академизм*. Ни одно сочинение белыми стихами наизусть не заучивается. Народ уже не сочиняет песен прежним размером, а сочиняет в рифмах. Если не будет рифмы (и не будет почаще хорея) — право, Вы дело погубите. Можете надо мной смеяться, но я правду говорю! Грубую правду!» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 42]. Очевидно, участники переписки исходят в выборе формы воплощения исторических сюжетов из разных принципов: Майков ориентируется на доверительную интонацию народных преданий об историческом прошлом, последовательно стилизуемую им в текстах, а Достоевский говорит о необходимости рифмы, которая позволит заучить «баллады» наизусть.

Таким образом, переписка Майкова с Достоевским дает основания для реконструкции истории формирования замысла цикла рассказов из русской истории как важного факта творческой биографии поэта, который постепенно вызревал в процессе работы над переводом «Слова о полку Игореве» и постоянного осмысления фактов текущей российской жизни. Непосредственную реализацию новой идеи Майков начал не позднее середины — второй половины 1868 года, о чем свидетельствует процитированное выше письмо от 12 апреля 1869 года, в котором поэт сообщал, что уже подготовил

4 первых рассказа, освещавших важнейшие события от начала русского государства до завоеваний Ивана IV. Сохранившиеся в архиве поэта рукописи этих произведений, включающие и полные тексты или их значительные фрагменты, и наброски с многочисленными слоями правки, отражают процесс работы над сюжетами и показывают, что написание рассказов не было спонтанным и краткосрочным. Поэт детально обдумывал исторические подробности и включал в окончательный текст далеко не все из того, что возникало в процессе работы[9].

Первым в № 5 журнала «Заря» за 1869 год поэт напечатал третий рассказ из описанных Достоевскому. В окончательном варианте он получили название «О святых московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище» [Майков, 1869б]. Зная щепетильное отношение Майкова к подготовке собственных произведений к изданию, можно предположить, что первые 2 рассказа (о крещении Руси и об Александре Невском) он посчитал недостаточно готовыми к тому моменту, поэтому отложил их публикацию. Далее в № 8 «Зари» за 1869 год поэт опубликовал четвертый из перечисленных им в письме Достоевскому рассказ «Начало восточного вопроса». Он представляет собой цикл в цикле, разделяясь внутри на 4 части с самостоятельными сюжетными линиями и названиями: первый — «Взятие турками Константинополя», второй — «Москва — Третий Рим», третий — «Царь Иван Васильевич Грозный. Покорение Казани и Астрахани», четвертый — «Завоевание Сибири» [Майков, 1869в].

Публикации других запланированных текстов обнаружить не удалось. Видимо, более ни один из рассказов не прошел самоцензуру, поскольку в итоговом четырехтомном «Полном собрании сочинений Майкова», составлением которого поэт занимался лично в конце жизни, также размещены только два названных рассказа

[9] В архиве Майкова, хранящемся в Отделе рукописей ИРЛИ РАН, сохранились следующие рукописи, имеющие отношение к работе над историческими рассказами: Майков А.Н. Программа рассказов по русской истории (РО ИРЛИ. 16540); Майков А.Н. План рассказов по русской истории (РО ИРЛИ. 16541); Ливонская война (РО ИРЛИ. 16550); Майков А.Н. О святых московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище (РО ИРЛИ. 16548); Майков А.Н. Взятие турками Константинополя (РО ИРЛИ. 16545); Майков А.Н. Взятие турками Константинополя (РО ИРЛИ.16546); Майков А.Н. О завоевании Сибири (РО ИРЛИ. 16549); Майков А.Н. О начале государства в России (РО ИРЛИ. 16551); Майков А.Н. О Святом благоверном князе Александре Невском (РО ИРЛИ. 16553) и др. Они будут описаны и изучены в процессе работы над проектом.

[Майков, 1914, т. 4, с. 302–343]. Также обнаружено множество изданий этих двух рассказов отдельными книжками небольшого формата, напечатанными с 1872 по 1914 годы «Постоянной комиссией по организации народных чтений».

Итак, к моменту написания Достоевским знаменитого письма из Флоренции Майков уже создал первые рассказы и рукопись одного из них уже передал в редакцию журнала «Заря». Тем интереснее обратиться к краткой характеристике сюжетов и эстетических особенностей рассказов Майкова и сопоставить их с идеей Достоевского. Содержание первого из опубликованных рассказов не получило аналогии в упомянутом выше письме романиста.

Особенности сюжета и повествовательного времени рассказа, вводимые в текст символические детали и другие приемы обобщенного художественного изображения исторических фактов позволяют Майкову создать произведение, в котором правда исторического документа воплощена, по формуле Достоевского, «не как простая летопись, нет, а как сердечная поэма, даже без строгой передачи факта (но только с чрезвычайною ясностию)», выражая трепетную любовь к родной земле и радение за ее благополучие, «как можно *наивнее*, чтобы одна любовь к России била горячим ключом» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 39]. Этот факт, очевидно, не может быть элементарным совпадением, но является следствием выработанной долгими беседами близости Майкова и Достоевского в понимании ключевых событий русской истории и принципов их художественного воспроизведения, того органического взаимопонимания с полуслова, которое сложилось между ними в результате ежедневных бесед, о которых оба вспоминали в письмах с особым трепетом [Майков, 2005, с. 132–133, 138–139], [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 203–204, 257–258, 327–328, т. 29_1, с. 38 и др.].

Сюжет первых двух частей второго рассказа «Взятие турками Константинополя» и «Москва — Третий Рим», напротив, обнаруживают удивительное сходство с замыслом Достоевского, который вдохновенно описал его: «<...> в третьей или в четвертой былине (я их все в уме тогда сочинил и долго потом сочинял) у меня вышло взятие Магометом $2^{\text{мъ}}$ Константинополя (и это прямо и невольно явилось как былина *из Русской истории*, сама собою и без намерения; потом я сам подивился: как, без всякого

сомнения и даже без обдумывания и без сознания, у меня так пришлось, что, взятие Константинополя, я причел прямо к *Русской истории* не усумнившись нимало). Вся эта катастрофа в наивном и сжатом рассказе: турки облегли Царьград тесно; последняя ночь перед приступом, который был на заре; последний Император, ходит по дворцу — ("Король ходит большими шагами") идет молиться образу Влахернской Божией Матери; Молитва; приступ, бой; Султан с окровавленной саблей въезжает в Константинополь. Труп последнего Императора отыскивают по приказанию султана в куче убитых, узнают по орлам вышитым на сапожках, Святая София, дрожащий Патриарх, последняя обедня, Султан не слезая с коня, скачет по ступеням в самый храм (historique), доскакав до средины храма останавливает коня в смущении, задумчиво и с смятением озирается и выговаривает слова: "Вот дом для молитвы Аллаху!" За тем выбрасывают иконы, престол, ломают алтарь, становят мечеть, труп Императора хоронят, а в Русском царстве, последняя из Палеологов является с двуглавым орлом вместо приданого; русская свадьба, Князь Иван III в своей деревянной избе вместо дворца, и в эту деревянную избу переходит великая идея о всеправославном значении России и полагается первой камень о будущем главенстве на Востоке, расширяется круг Русской будущности, полагается мысль, не только великого государства, но и целого нового мира, которому суждено обновить христианство, всеславянской православной идеей и внести в человечество новую мысль, когда загниет Запад, а загниет он тогда, когда папа исказит Христа окончательно и тем зародит атеизм в опоганившемся западном человечестве» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 39–40].

Событийные доминанты рассказов, вошедших в цикл «Начало Восточного вопроса», во многих деталях совпадают с тем, что описал в своем письме Достоевский. В первом из них — «Взятие турками Константинополя» — повествователь ведет рассказ об осаде города войсками султана, о молитве императора и его решении сложить голову в борьбе с иноверцами, о взятии и разрушении православной столицы, об отыскании тела погибшего императора по декору на обуви. Майков включает в сюжет и вход султана в храм Святой Софии и решение устроить в нем мечеть во славу Аллаха. В рассказе с говорящим названием «Москва — Третий Рим» воспроизведены важнейшие детали, которые показывают закономерность

этого тезиса: женитьба Ивана III на греческой принцессе, которая в качестве приданного принесла герб Византии с двуглавым орлом и ряд святынь. Эти события дали надежду на сохранение православных ценностей и подчеркнули символическую роль России как оплота православия и защитницы православных народов, возлагая на русское государство и особую миссию. Детали процитированного выше письма, в том числе выразительно описанные Достоевским сюжеты отдельных рассказов породили предположение о том, что писатель выступил автором концепции цикла и вдохновил Майкова на его создание [Ашимбаева, 2005, с. 142–143], [Захарова, 2015]. Рассмотренные нами этапы постепенного формирования идеи цикла в творческом сознании Майкова и собственное свидетельство поэта о том, что рассказ уже написан, представленное им в письме другу от 12 апреля 1869 года, позволяет с уверенностью говорить о том, что идеи Майкова и Достоевского во многом совпадают, однако у участников переписки в настоящий момент они воплотились в деталях независимо от прямого влияния друг друга. Достоевский принимал некоторое участие в оформлении ключевых особенностей содержания и художественной формы рассказов, но не столь прямо, как идейный вдохновитель, а опосредованно, как друг, собеседник и единомышленник, с которым Майков привык в частых встречах делиться подробностями собственных творческих поисков и мыслями, касающимися злободневных проблем русской общественной жизни тех лет, среди которых вопрос самобытности русской истории и отношений России и Европы, как известно, был одним из важнейших.

Критерием, как будто говорящим в пользу версии о том, что Майков мог опираться на идею Достоевского при создании второго рассказа, могло бы явиться то, что рассказ «Начало восточного вопроса» вышел в 8 номере «Зари» за 1869 год [Майков, 1869в]. Однако здесь следует учесть летний уклад, которому Майков оставался верен на протяжении всей жизни: лето семья проводила на даче, где Майков — заядлый рыбак — отдавался сполна своему увлечению. Лето 1869 года не было исключением. В ответ на полученное, вероятно, в июне, цитируемое выше знаменитое письмо Достоевского из Флоренции Майков пишет другу 7 августа 1869 года: «Милейший, драгоценнейший друг Федор Михайлович! Не распространяюсь о том, как мне любезно и дорого Ваше последнее письмо. Не отвечал на оное только потому

что теперь лето, и я живу на даче, и уже писать не могу; лучший опыт — это письма к Вам. И в прежние годы, и теперь, сбираюсь, но — рыбная ловля, жар, дождь, лес — и не могу, страдаю, но знаю что дело кончится само собою, т. е. как перееду в город, то и буду жить головою, ergo и писать, и первое, напишу к вам» [Майков, 1869а]. Таким образом, очевидно, что текст рассказа «Начало восточного вопроса», включающий два сюжета, детали которых в подробностях воспроизводятся в письме Достоевского Майкову, не только написан, но и передан в редакцию «Зари» до получения этого письма.

Не вызывает сомнения, что круг вопросов, организующих сюжет рассказа Майкова и вдохновенного изложения сходного сюжета у Достоевского, неоднократно обсуждался участниками переписки значительно ранее, вероятнее всего, уже во второй половине 1840-х годов. Косвенным указанием на это становится то, что детали Восточного вопроса и судьбы славянских народов остро интересовали Майкова и его окружение с начала 1840-х годов, о чем свидетельствуют документы архива поэта. Близким другом А.Н. Майкова с юности был М.П. Заблоцкий-Десятовский, который осенью 1842 года готовился выехать на службу в Сербию и живо интересовался всеми событиями, происходящими на славянском Востоке. В переписке Майкова с Заблоцким 1842 года фигурирует имя Шафарика, который оказал существенное влияние на содержание понятия «Восточный вопрос» в сознании Майкова в этот период, еще до непосредственного знакомства с чешским ученым в 1844 году [Златковский, 1898, с. 27]. Это подтверждает содержание писем Заблоцкого находящемуся в Париже Майкову: «Кстати о Славянщине. Я приобрел [нрзб.] Шафарика (твоего, кажется, любимца)»[10]. Концепция чешского историка неоднократно упоминается в переписке Майкова с М.П. Заблоцким, который обращается к вопросу о роли России в освобождении славянских народов от турецкого ига. Письма Заблоцкого Майкову 1842–1843 годов свидетельствуют о желании последнего осмыслить роль России в европейском историческом процессе. Так, 3 октября 1842 года, говоря о подготовке к служебной поездке в Сербию, Заблоцкий с восторгом пишет: «Желая познакомиться с отношением Турции к славянским народам, я стал вычитывать одно сочинение о Турции (одного англичанина,

[10] Заблоцкий-Десятовский М.П. Письма к А.Н. Майкову 1842–1843 и 1854–1856 годов // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16797. Л. 2 об.

бывшего секретарем при Англ<ийском> посольстве в Константинополе). Если бы ты знал, душа моя, с каким восторгом прочел я следующие слова иностранца об России; я так полон восторга, произведенного ими во мне, что не могу не передать их тебе. Вот что говорит он о том, что сделала Россия по отнош<ению> к Турции: “Именно России принадлежит заслуга если не уничтожить, то по меньшей мере приручить оттоманскую гордость, которая является корнем всех зол империи; ей принадлежит и слава освобождения старинных племен (rayas); она это сделала, подтолкнув на восстание Грецию и Сербию, взяв под свою защиту Молдавию и Валахию, предоставив поддержку своим штандартом греческому морскому флоту <…>, создавая после каждой победы новые преимущества для утверждения Христианской веры. Произведенное освобождение будет всегда такой страницей в истории России, и если несколько ригористов жаловались, что оно было продиктовано корыстными мотивами, им можно ответить, что личная цель, движущая Россией, была совершенно оправдана <…> (перевод с французского, автор не установлен)”. Вот и стали мы содействовать мировым интересам»[11].

В середине 1850-х годов усилению внимания Майкова к содержанию понятия «Восточный вопрос» и судьбе славянских народов еще более способствовали события Крымской войны. Детали этой проблемы обусловили содержание поэмы «Клермонтский сбор», вызвавшей горячий отклик Достоевского [Седельникова, 2006, с. 246–254]. Чуть позже интерес к этому кругу проблем усиливает участие Майкова в экспедиции в Грецию на корвете «Баян», состоявшейся в 1858 году. То есть к возвращению Достоевского из ссылки Майков вновь обратился к глубокому переосмыслению проблемы, актуализированной в названии рассказа «Начало восточного вопроса».

В других частях указанного цикла в цикле Майков обращается к осмыслению ключевых этапов, способствовавших углублению и определенному решению Восточного вопроса: в третьем рассказе описано состояние России при начале царствования Ивана Грозного, который смог воодушевиться православными ценностями под предводительством мудрого патриарха вопреки давлению бояр, навел порядок в стране и расширил ее пределы, начав искупительную борьбу с иноверцами у границ России. В четвертом рассказе «Поко-

[11] РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16797. Л. 2–3 об.

рение Сибири» автор воспроизводит один из сюжетов колониальной истории России, связанный с покорением Сибири и деятельностью Ермака. Упоминание имени Ермака в письме Достоевского из Флоренции указывает на вопрос Майкова, заданный в не сохранившемся письме конца 1868 — начала 1869 года, когда поэт вел работу над этим текстом и обдумывал сюжет рассказа о духовном возрождении вольного казака под воздействием православной идеи и «русского чувства» послужить родной земле и искупить свои грехи, обрести смысл жизни. И вновь Достоевский, как и в сюжете о взятии Константинополя, улавливает ключевую проблему, привлекающую друга в этом образе и размышляет фактически в унисон с Майковым: «Об Ермаке же ничего Вам сказать не могу; Вы, конечно, лучше знаете. По-моему, сначала казачье — удальство — бродяжничество и разбой. Потом уже указывается гениальный человек под бараньим тулупом; угадывает колоссальность дела и будущее значение его, но уже тогда, когда почти все дело пошло на лад и удачно обделалось. Тут рождается русское *чувство*, православное чувство единения с русским корнем (даже непосредственное, может быть, чувство вроде тоски), — а из того выходит посольство и челобитье великому государю, выражающее в понятиях народа вполне русский народ» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 42].

Вероятно, сходство в понимании сути образа Ермака в сюжете рассказа Майкова и размышлениях Достоевского является следствием их значительного единодушия в трактовке характера русского человека, который, очевидно, неоднократно обсуждался ими и в связи с творческими поисками Достоевского, включая весь круг произведений, опубликованных им до начала работы над Великим Пятикнижием, и в связи с произведениями Майкова, который в 1860-е годы все настойчивее обращался к осмыслению знаковых фактов русской истории. Достаточно вспомнить тут тот восторг, который вызвали у Достоевского драматическая сцена «Странник» и «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне», о чем уже упоминалось выше.

Таким образом, детали эпистолярного диалога Майкова и Достоевского 1867–1869 годов, дающие ценнейший материал для изучения жизни и творчества обоих участников переписки, позволяют реконструировать некоторые существенные моменты истории формирования и движения замысла важного сегмента творческого наследия Майкова и создают канву для изучения

корпуса рукописей поэта, связанных с его работой над циклом «Рассказы из русской истории», которые до настоящего момента не введены в научный оборот и не описаны. Уже рассмотрение последовательности фактов развертывания этой истории в их переписке позволяет с уверенностью говорить о том, что идея цикла созрела в творческом сознании Майкова независимо от влияния находившегося далеко от него Достоевского. Удивительная же близость обоих художников в выделении ключевых событий русской истории и доминантах их нравственно-философского и эстетического осмысления свидетельствует о том, что весь этот круг вопросов был предметом постоянного доверительного общения Майкова с Достоевским от возвращения последнего из ссылки до вынужденного отъезда за границу в апреле 1867 года.

Список литературы

1. Ашимбаева, 2005 — *Ашимбаева Н.Т.* А. Майков. Письма к Достоевскому 1867–1878 // *Ашимбаева Н.Т.* Достоевский. Контекст творчества и времени. СПб.: Серебряный век, 2005. С. 91–101.

2. Бельчиков, 1971 — *Бельчиков Н.Ф.* Достоевский в процессе петрашевцев. М.: Наука, 1971. 294 с.

3. Большая энциклопедия, 1902 — Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания: в 20 т. / под ред. С.Н. Южакова. СПб.: Просвещение, 1902. Т. 10. 794 с.

4. Гачева, 2004 — *Гачева А.Г.* «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...» (Достоевский и Тютчев). М.: ИМЛИ РАН, 2004. 640 с.

5. Захарова, 2015 — *Захарова О.В.* Концепция былины у Ф.М. Достоевского// Проблемы исторической поэтики. 2015. Вып. 13. С. 271–286. https://doi.org/10.15393/j9.art.2015.3444

6. Златковский, 1898 — *Златковский М.Л.* А.Н. Майков. 1821–1897 г.: Биографический очерк. 2-е изд. зн. доп. СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1898. 122 с.

7. Ляпина, 1986 — *Ляпина Е.И.* Исторические впечатления Майкова в стихах и прозе // Жанрово-стилевое взаимодействие лирики и эпоса в русской литературе XVIII–XIX веков. М.: Изд-во МОПИ, 1986. С. 124–141.

8. Майков, 1867а — *Майков* А.Н. Письмо к Ф.М. Достоевскому <май 1867> // Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского и его корреспондентов. URL: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov~051867.htm (дата обращения: 15.04.2022).

9. Майков, 1867б — *Майков А.Н.* Письмо к Ф.М. Достоевскому 3 ноября <1867> // Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского и его корреспондентов. URL: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov~03111867.htm (дата обращения: 15.04.2022).

10. Майков, 1868 — *Майков А.Н.* Письмо к Ф.М. Достоевскому 7 марта <1868> // Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского и его корреспондентов. URL: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov0803~1868.htm (дата обращения: 15.04.2022).

11. Майков, 1869а — *Майков А.Н.* Письмо к Ф.М. Достоевскому 7 августа 1869 // Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского и его корреспондентов. URL: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov07081869.htm (дата обращения: 15.04.2022).

12. Майков, 1869б — *Майков А.Н.* О Святых Московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище // Заря. 1869. № 5. С. 1-19.

13. *Майков, 1869в — Майков А.Н.* Начало восточного вопроса // Заря. 1869. № 8. С. 1–50.

14. Майков, 1914 — *Майков А.Н.* Полн. собр. соч.: в 4 т. / под ред. П.В. Быкова. СПб.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1914.

15. Майков, 1924 — Письма Майкова к Достоевскому за 60 гг. (сообщил Г. Прохоров) // Достоевский Ф.М. Статьи и материалы. Сб. 2. / под ред. А.С. Долинина. Л., М.: Мысль, 1924. С. 338–361.

16. Майков, 2005 — *Майков А.Н.* Письма к Достоевскому 1867–78 / публ. Н.Т. Ашимбаевой // *Ашимбаева Н.Т.* Достоевский. Контекст творчества и времени. СПб.: Серебряный век, 2005. С. 103-168.

17. Майков, 2013 — *Майков А.Н.* Путевой дневник 1842-43 гг. Итальянская проза / сост., подгот. текст., ст. и коммент. О.В. Седельниковой. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 400 с.

18. Прокофьева, 2005 — *Прокофьева Е.Н.* А.Н. Майков // История русской литературы XIX века: в 3 ч. М.: Гуманитар, изд. центр ВЛАДОС, 2005. Ч. 3: (1870–1890 годы). Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности 032900 «Рус. яз. и лит.» / А.П. Ауэр и др.; под ред. В.И. Коровина. С. 137–163.

19. Савельев, 1846 — *Савельев П.С.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб.: Тип. Военно-учебных заведений, 1846. CCXXXII и 180 с.

20. Седельникова, 2006 — *Седельникова О.В.* Ф.М. Достоевский и кружок Майковых. Томск: Изд-во ТПУ, 2006. 275 с.

21. Седельникова, 2012 — *Седельникова О.В.* В дополнение комментария к письмам Ф.М. Достоевского А.Н. Майкову (Письмо о «поэме» Достоевского и события русской история в творческом осмыслении Майкова) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 95–103.

22. Ямпольский, 1976 — *Ямпольский И.Г.* Из истории работы А.Н. Майкова над переводами «Слова о полку игореве» // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 334–340.

References

1. Ashimbaeva, N.T. “A. Maikov. Pis’ma k Dostoevskomu 1867–1878” [“A. Maikov. Letters to Dostoevsky 1867–1878”]. Ashimbaeva, N.T. *Dostoevskii. Kontekst tvorchestva i vremeni* [*Dostoevsky. Context of Art and Epoch*]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2005, pp. 91–101. (In Russ.)

2. Bel’chikov, N.F. *Dostoevskii v processe petrashevtsev* [*Dostoevsky in the Petrashevsky Trial*]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 294 p. (In Russ.)

3. Iuzhakov, S.N., editor. *Bol’shaia entsiklopediia: Slovar’ obshchedostupnykh svedenii po vsem otrasliam znaniia: v 20 tomakh* [*The Great Encyclopedia: A Dictionary of Publicly Available Informa-*

tion on All Branches of Knowledge: in 20 vols], vol. 10. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1902. 794 p. (In Russ.)

4. Gacheva, A.G. *"Nam ne dano predugadat', kak nashe slovo otzovetsia..." (Dostoevskii i Tiutchev)* [*"We Cannot Predict How Our Words Will Be Received..." (Dostoevsky and Tyutchev)*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 640 p. (In Russ.)

5. Zakharova, O.V. "Kontseptsiia byliny u F.M. Dostoevskogo" ["Dostoevsky's Conception of the Bylina"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 13, 2015, pp. 271–286. (In Russ.) https://doi.org/10.15393/j9.art.2015.3444

6. Zlatkovskii, M.L. *A.N. Maikov. 1821–1897 g.: Biograficheskii ocherk* [*Apollon Maykov. 1821–1897: A Biographical Sketch*]. 2nd Ed., revised. St. Petersburg, P.P. Soikin Publ., 1898. 122 p. (In Russ.)

7. Liapina, E.I. "Istoricheskie vpechatleniia Maikova v stikhakh i proze" ["Maykov's Historical Impressions in Poetry and Prose"]. *Zhanrovo-stilevoe vzaimodeistvie liriki i eposa v russkoi literature XVIII–XIX vekov* [*Genre-Style Interaction of Lyrics and Epic in Russian Literature of the 18th–19th Centuries*]. Moscow, MRPI Publ., 1986, pp. 124–141. (In Russ.)

8. Maikov, A.N. "Pis'mo k F.M. Dostoevskomu <mai 1867>" ["Letter to Fyodor Dostoevsky <May 1867>"]. *Epistoliarnoe nasledie F.M. Dostoevskogo i ego korrespondentov* [*The Epistolary Legacy of Fyodor Dostoevsky and His Correspondents*]. Available at: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov~051867.htm (Accessed 15 Apr. 2022) (In Russ.)

9. Maikov, A.N. "Pis'mo k F.M. Dostoevskomu 3 noiabria <1867>" ["Letter to Fyodor Dostoevsky November 3rd, <1867>"]. *Epistoliarnoe nasledie F.M. Dostoevskogo i ego korrespondentov* [*The Epistolary Legacy of Fyodor Dostoevsky and His Correspondents*]. Available at: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov~03111867.htm (Accessed 15 Apr. 2022) (In Russ.)

10. Majkov, A.N. "Pis'mo k F.M. Dostoevskomu 7 marta <1868>" ["Letter to Fyodor Dostoevsky March 7th <1868>"]. *Epistoliarnoe nasledie F.M. Dostoevskogo i ego korrespondentov* [*The Epistolary Legacy of Fyodor Dostoevsky and His Correspondents*]. Available at: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov0803~1868.htm (Accessed 15 Apr. 2022) (In Russ.)

11. Maikov, A.N. "Pis'mo k F.M. Dostoevskomu 7 avgusta 1869" ["Letter to Fyodor Dostoevsky August 7th, 1869"]. *Epistoliarnoe nasledie F.M. Dostoevskogo i ego korrespondentov* [*The Epistolary Legacy of Fyodor Dostoevsky and His Correspondents*]. Available at: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov07081869.htm (Accessed 15 Apr. 2022) (In Russ.)

12. Maikov, A.N. "O Sviatykh Moskovskikh mitropolitakh Petre i Aleksii i o slavnom Mamaevom poboishche" ["About the Holy Moscow Metropolitans Peter and Alexius and the Glorious Battle of Mamaev"]. *Zaria*, no. 5, 1869, pp. 1–19. (In Russ.)

13. Maikov, A.N. "Nachalo vostochnogo voprosa" ["The Beginning of the Eastern Question"]. *Zaria*, no. 8, 1869, pp. 1–50. (In Russ.)

14. Maikov, A.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 4 tomakh* [*Complete Works: in 4 vols*]. Ed. by P.V. Bykov. St. Petersburg, T-va A.F. Marks Publ., 1914. (In Russ.)

15. "Pis'ma Maikova k Dostoevskomu za 60 gg. (soobshchil G. Prokhorov)" ["Maikov's Letters to Dostoevsky in the 1860s (Reported by G. Prokhorov)"]. Dolinin, A.S., editor. *Dostoevskii F.M. Stat'i i materialy* [*Dostoevsky F.M.: Articles and Materials*], vol. 2. Leningrad; Moscow, Mysl' Publ., 1924, pp. 338–361. (In Russ.)

16. Maikov, A.N. "Pis'ma k Dostoevskomu 1867–78" ["Letters to Fyodor Dostoevsky 1867–1878"]. Ed. by N.T. Ashimbaeva. Ashimbaeva, N.T. *Dostoevskii. Kontekst tvorchestva i vremeni* [*Dostoevsky. Context of Art and Epoch*]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2005, pp. 103–168. (In Russ.)

17. Maikov, A.N. *Putevoi dnevnik 1842-43 gg. Ital'ianskaia proza* [*Travel Diary 1842–1843. Italian Prose*]. Comp., ed., comm. by O.V. Sedelnikova. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2013. 400 p.; ill. (In Russ.)

18. Prokof'eva, E.N. "A.N. Maikov" ["Apollon Maykov"]. Korovin, V.I., editor. *Istoriia russkoi literatury XIX veka: v 3 chastiakh* [*History of Russian Literature of the 19th Century: in 3 parts*], part 3: 1870–1890 gody [1870–1890]. Moscow, Gumanitar. izd. tsentr VLADOS Publ., 2005, pp. 137–163. (In Russ.)

19. Savel'ev, P.S. *Mukhammedanskaia numizmatika v otnoshenii k russkoi istorii* [*Muhammadan Numismatics in Relation to Russian History*]. St. Petersburg, tip. Voenno-uchebnyh zavedenii Publ., 1846. CCXXXII, 180 p. (In Russ.)

20. Sedel'nikova, O.V. *F.M. Dostoevskii i kruzhok Maikovykh* [*Fyodor Dostoevsky and the Maykov Circle*]. Tomsk, TPU Publ., 2006. 275 p. (In Russ.)

21. Sedel'nikova, O.V. "V dopolnenie kommentariia k pis'mam F.M. Dostoevskogo A.N. Maikovu (Pis'mo o 'poeme' Dostoevskogo i sobytiia russkoi istorii v tvorcheskom osmyslenii Maikova)" ["In Addition to the Commentary on Fyodor Dostoyevsky's Letters to Apollon Maykov (The Letter on Dostoevsky's 'Poem' and the Events of the Russian History as Understood Creatively by Maykov)"]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 2, 2012, pp. 95–103. (In Russ.)

22. Iampol'skii, I.G. "Iz istorii raboty A.N. Maikova nad perevodami 'Slova o polku Igoreve'" ["From the History of the Work by Apollon Maykov on the Translation of *The Tale of Igor's Campaign*"]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [*Works of the Department of Ancient Russian Literature*], vol. 31. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 334–340. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 24.11.2023
Одобрена после рецензирования: 12.01.2024
Принята к публикации: 13.01.2024
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 24 Nov. 2023
Approved after reviewing: 12 Jan. 2024
Accepted for publication: 13 Jan. 2024
Date of publication: 25 Mar. 2024